

ВИЗАНТІЙСКІЕ ПАТРІАРХИ.

(Историческая справка).

Патріаршество, какъ одно изъ проявленій церковно-административной централизаціи, сложилось въ періодъ вселенскихъ соборовъ, благодаря разнымъ условіямъ, возвысившимъ нѣкоторыя епископскія каѳедры. Но за время вселенскихъ соборовъ, въ которыхъ патріархи встрѣчали иногда и внушительный коррективъ для себя, церковное законодательство не надѣлило ихъ какими-либо существенными правами. *De jure* они оставались *primi inter pares*. Въ наиболѣе рельефныхъ очертаніяхъ *de jure* и *de facto* восточные патріархи, и преимущественно — константинопольскій, выступаютъ позднѣе, когда явились новыя условія ихъ дѣятельности.

Теперь, когда и въ нашихъ высшихъ духовныхъ сферахъ, и въ нѣкоторой части церковнаго общества возникло стремленіе возстановить на Руси патріаршество, существовавшее здѣсь съ Бориса Годунова до Петра I-го, естественно припомнить, что такое были константинопольскіе патріархи, въ лицѣ которыхъ желаютъ у насъ видѣть — какъ и прежде — идеаль и для предполагаемаго главы русской церкви.

Предпочтительно предъ другими восточными патріархами константинопольскій архіепископъ оказался главой восточной церкви, подобно тому, какъ византійскій *basileüs* былъ главой имперіи ¹⁾. Такое положеніе константинопольскаго патріарха въ связи съ положеніемъ императора и нашло

¹⁾ Скабалановичъ. Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ. Спб. 1884. Стр. 363.

себѣ во второй половинѣ IX вѣка выраженіе въ византійскомъ правѣ.

Первое, официально принятое ученіе о царской и патриаршей власти мы встрѣчаемъ въ *Эпанагоги* (второмъ, исправленномъ изданіи Прохирона), введеніи къ полному собранію византійскаго законодательства.

Это ученіе принадлежитъ знаменитому патриарху Фотію, который принималъ дѣятельное участіе въ составленіи и самой Эпанагоги ¹⁾ въ ту блестящую пору его жизни, когда онъ послѣ перваго изложенія снова сошелся съ царемъ Василіемъ Македоняниномъ и, состоя при дворѣ, руководилъ образованіемъ его дѣтей. Въ это время Василиій, потерявъ надежду на сближеніе съ западнымъ міромъ при посредствѣ папскаго престола, уже не считалъ нужнымъ въ угоду послѣднему преслѣдовать патриарха Фотія, который, при томъ, только и могъ устранить тѣ неурядицы, которыя волновали церковное общество со времени патриарха Меѳодія († 846) ²⁾.

При такихъ-то благопріятныхъ условіяхъ и явилась возможность для патриарха Фотія выразить даже въ официальномъ юридическомъ сборникѣ свой взглядъ на положеніе византійскаго патриарха и его отношенія къ государственной власти ³⁾.

Вотъ, какъ онъ трактуетъ объ этомъ въ первыхъ 10 титулахъ Эпанагоги.—„Такъ какъ государство, на подобіе чело-вѣка, состоитъ изъ частей и членовъ, то наиважнѣйшими и необходимѣйшими членами являются царь и патриархъ; поэтому миръ и благоденствіе подданныхъ зависитъ отъ единомыслія и согласія царской и патриаршей власти“. Въ вѣдѣніи царя—тѣла гражданъ, въ вѣдѣніи патриарха—ихъ души. „Патриархъ есть живой и одушевленный образъ Христа, всѣми своими поступками и словами выражающій истину“. Патриархъ обязанъ ограждать вѣранныхъ ему Богомъ людей отъ уклоненій въ отношеніи благочестія и нравственности. Призваніе патриарха—спасеніе вѣранныхъ ему христіанскихъ душъ, жизнь во Христѣ и сораспинаеніе міру. Патриархъ долженъ быть учительнымъ, одинаковымъ въ отно-

1) Иеромонъ. Каллистъ. Номоканонъ Фотія. М. 1899. Стр. 105.

2) Н. Поповъ. Имперъ, Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковн.-историч. отношеніи. М. 1892. Стр. 38.

3) Вѣренъ или невѣренъ этотъ взглядъ,—судить не будемъ.

шеніи ко всѣмъ, милосерднымъ въ правосудіи, суровымъ къ неповинующимся, безбоязненнымъ въ обличеніи даже царя въ случаѣ нарушенія имъ догматовъ и прегрѣшеній противъ истины. Патриарху же принадлежитъ объясненіе древнихъ канонѣвъ, безъ—какого бы то ни было—вмѣшательства въ эту сферу свѣтской власти ¹⁾).

Такимъ образомъ, въ Эпанагогѣ рядомъ съ царской выдвинута другая власть, по значенію не только равная первой, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже полагающая ей ограниченія. Однако такое торжество византійской церковной власти, допущенное, можетъ быть, въ противовѣсъ властолюбію папства, не оставило по себѣ осязательныхъ послѣдствій въ дальнѣйшемъ и ученіе Эпанагоги, возвеличившей архіепископа столицы тогдашняго *orbis terrarum* и открывавшей ему самый широкій путь дѣятельности, само было причиной того, что оно какъ-то затерлось и затемнилось другими законодательными памятниками тойже эпохи. Очевидно, что прерогативы патриарха, указанные въ Эпанагогѣ, расходясь съ исторически сложившимися основами императорской власти, не находили почвы и въ религіозномъ созерцаніи населенія.

Еще въ языческомъ мірѣ императоръ всегда былъ и *pontifex maximus*. Но и христіанскіе государи не сразу отказались отъ правъ понтифіката. Послѣ того какъ онъ былъ уничтоженъ, наконецъ, закономъ (Градіана), его идея все же не умерла въ сознаніи правителей и народномъ преданіи. Уже Константинъ Великій говорилъ представителямъ церкви: „вы—епископы, завѣдующіе внутренними дѣлами общества вѣрующихъ, я—поставленный Богомъ епископъ внѣ его“. Левъ Иконоборецъ говорилъ папѣ Григорію: „развѣ ты не знаешь, что я священникъ и царь?“—„Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ папа, Константинъ, Θεодосій, Валентиніанъ, Юстиніанъ—были царями и священниками... Но... ты опустошилъ церковь“ ²⁾.—Такъ одинъ изъ враговъ духовной власти ви-

¹⁾ А. П. Лебедевъ. Очерки внутрен. исторіи визан.-восточной церкви въ IX—XI в.в. М. 1902 г. Стр. 16—17. В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ визант. государствѣ. СПб. 1897 г. Стр. 342.

²⁾ Грибовскій. Оп. С., стр. 354. Скабалановичъ. Визавт. государство и церковь въ XI в. СПб. 1884 г. Стр. 144.

зантійскихъ царей признавалъ за ними право на верховное водительство въ жизни вѣрующихъ.

На западѣ это право нашло себѣ выраженіе въ ученіи о духовной и свѣтской власти папы, а на востокѣ, прямою наслѣдникѣ римскихъ кесарей, воплотилось въ представленіи царя, который является на землѣ не менѣе, какъ образъ Божій (*εἰκών τοῦ αὐτοῦ Θεοῦ*) и въ отношеніи къ которому, по церковному и придворному церемониалу и по разумнѣю общества, приложимы такіе эпитеты, какъ „божественный“, „святой“ и даже „сынъ Божій“ ¹⁾. Правда, допуская подобныя образныя и гиперболическія выраженія, византійцы умѣли видѣть и человѣческую природу монарха и потому никогда не доходили до дѣйствительнаго его обоготворенія. Но все же въ глазахъ народа онъ былъ не только высшимъ носителемъ политической власти и силы, но и блюстителемъ вѣры и благочестія. „Какъ царствующій императоръ есть помазанникъ Господень по причинѣ помазанія на царство, а Христосъ и Богъ нашъ есть между прочимъ и архіерей, то благословно и императоръ украшается архіерейскими дарованіями“, — говоритъ канонистъ и патріархъ антиохійскій Вальсамонъ (Толков. 69 пр. VI всел. соб.). *Βασίλειος*, бывший первымъ воиномъ, первымъ сановникомъ, оказывался и первымъ священникомъ ²⁾. Въ качествѣ послѣдняго, онъ созывалъ соборы, предсѣдательствовалъ на нихъ, участвовалъ до извѣстной степени въ совершеніи богослуженія ³⁾, носилъ облаченіе, подобное архіерейскому, утверждалъ избраннаго митрополитами или даже самъ назначалъ патріарха, торжественно возглашая: „божественная благодать и наше, еже отъ нея, царское величество избираетъ сего богобоязнѣйшаго (имя рекъ) въ патріарха Константина града“ ⁴⁾.

Разумѣется, при такомъ положеніи царя въ церковномъ обществѣ ученіе Эпанагоги о соотношеніи властей патріар-

¹⁾ Грибовскій. Ор. с., стр. 347—350.

²⁾ А. П. Лебедевъ. Очерки внутр. исторіи византійско-восточной церкви X—XI в.в. М. 1902 г. Стр. 69—70. Его же—Очерки исторіи виз.-вост. церкви XI—XV в.в. Стр. 109—111. М. 1902 г.

³⁾ Иеромон. Іоаннъ. Обрядникъ визант. двора. М. 1895 г. Стр. 138 и слѣд.

⁴⁾ Ibid., стр. 185.

шей и царской съ ограниченіемъ послѣдней въ дѣлахъ духовныхъ и не могло прочно привиться къ жизни. Въ особености же сами императоры не мирились съ мыслью о самостоятельности патріарха въ сферѣ даже исключительно церковной.

И прежде всего это печально сказалось на судьбѣ самого патріарха Фотія, въ 877 году вторично вступившаго на кафедру по смерти патріарха Игнатія. Его снова низложили его же ученикъ, императоръ Левъ VI Мудрый вскорѣ послѣ своего вступленія (въ 886 г.) на престолъ своего отца, Василія Македонянина. На мѣсто знаменитаго пастыря церкви возведенъ былъ 16-лѣтній юноша, братъ императора, Стефанъ, еще при отцѣ причисленный къ клиру и носившій санъ діакона ¹⁾. Хотя въ оправданіе этого въ глазахъ общества Левъ и дѣлалъ неудачную попытку обвинить великаго святителя въ покушеніи на свою царственную особу, причины послѣдняго низложенія Фотія лежали, очевидно, гораздо глубже. Въ патріаршество 16-лѣтняго брата своего Стефана молодой и подозрительный императоръ, подавившій послѣдніе слѣды городского самоуправленія и уничтожившій даже сенатъ, соединяя въ рукахъ династіи духовную власть со свѣтской, получалъ полную возможность направлять церковную жизнь по тому или иному руслу, подкрѣплять высшимъ религіозно-нравственнымъ авторитетомъ свои личные интересы и государственныя предначертанія, освобождаясь въ то же время отъ нравственнаго контроля и вліянія со стороны такихъ представителей церкви, какимъ былъ Фотій, полагавшій, что „сохраненіе истинныхъ постановленій—прямая обязанность какъ всякаго благомыслящаго, такъ и тѣхъ, которые, по Божію усмотрѣнію, призваны управлять народами“. Что при Стефанѣ самъ Левъ рассчитывалъ оказывать сильное вліяніе на церковное управленіе, это вполне вѣроятно и естественно, если онъ и впоследствии желалъ видѣть въ лицѣ патріарховъ лишь покорныхъ исполнителей императорской воли ²⁾.

Признанный, наконецъ, и большинствомъ византійскаго общества, патр. Стефанъ, дѣйствительно, не имѣлъ никакого

¹⁾ Н. Поповъ. Импер. Левъ VI Мудрый. Стр. 17, 23—24.

²⁾ Ibid., стр. 41—44.

значенія въ церковной жизни. При немъ свѣтскіе сановники безнаказанно упраздняли церкви и изгоняли священниковъ. Довольствовавшійся лишь участіемъ въ праздничныхъ церемоніяхъ, патріархъ Стефанъ вполне удовлетворялъ завѣтнымъ стремленіямъ своего царствующаго брата, предоставляя ему полную возможность вмѣшиваться въ дѣла церкви. Левъ и пользовался этой возможностью. Онъ въ своихъ новеллахъ давалъ, наприм., наставленія самому патріарху относительно крещенія младенцевъ и приобщенія роженицъ въ періодъ 40-дневнаго очищенія, отмѣнялъ постановленія вселенскихъ соборовъ (о мѣстѣ крещенія) и правила св. апостоловъ (о вмѣшательствѣ духовныхъ лицъ въ мірскія дѣла) ¹⁾. Понятно, въ какое тягостное положеніе подобныя новеллы ставили византійскую іерархію... Но императоръ, составлявшій еще стихиры и церковныя поученія, иногда по недосугу поручая произношеніе ихъ даже канцелярскимъ чиновникамъ ²⁾, по видимому, не хотѣлъ и думать объ этомъ.

Когда Стефанъ послѣ почти 6-лѣтняго пребыванія на кафедрѣ скончался (въ 893 г.) ³⁾, въ преемники ему соборомъ епископовъ, пресвитеровъ, монаховъ и сената былъ избранъ (конечно, не безъ вліянія императора, который утвердилъ избраніе) уступчивый, малообразованный и престарѣлый игуменъ малоазійскаго монастыря—Антоній Калей. Онъ патріаршествовалъ также не долго и скончался въ 901 году, показавъ себя, при своей несомнѣнной попечительности въ отношеніи къ церкви, бессильнымъ дать смѣлый и рѣшительный отпоръ императорскому вмѣшательству въ церковныя дѣла. При этомъ патріархъ Левъ предалъ погребенію въ первый день пасхи свою третью жену Евдокію, даже и не справляясь съ мнѣніемъ архипастыря относительно такого нарушенія духовной радости свѣтлаго дня (VI вселенск. соб., пр. 68) ⁴⁾.

Когда возникъ вопросъ объ избраніи преемника Антонію, Левъ выражалъ одно желаніе,—чтобы новый патріархъ пра-

¹⁾ Ibid., стр. 69, 199—214.

²⁾ Ibid., стр. 220 и слѣд.

³⁾ Ibid., стр. 69.

⁴⁾ Ibid., стр. 71, 83—89.

виль церковью согласно царской волѣ ¹⁾. Если изъ нѣсколькихъ кандидатовъ былъ избранъ ученикъ и родственникъ патріарха Фотія, Николай Мистикъ, то, конечно, не потому, что онъ выдавался изъ ряда другихъ по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ: послѣднія имѣли не много значенія въ глазахъ императора. Предоставивъ Николаю патріаршую кафедру, Левъ, несомнѣнно, надѣялся на то, что не старый, образованный придворный монахъ, его названный братъ и соученикъ, будетъ такъ же снисходительнымъ и угодливымъ патріархомъ, какъ и покойный Антоній. Но эти расчеты императора далеко не оправдались.

Николай оказался патріархомъ, какой и нуженъ былъ въ то время Византіи, чтобы поднять въ ней понизившійся авторитетъ духовной власти и упорядочить церковную жизнь, разстроившуюся послѣ Фотія ²⁾. Но патріархъ Николай не могъ упрочить за собой расположенія царя, такъ какъ не хотѣлъ быть послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Исходной точкой разногласій между патріархомъ и царемъ явился вопросъ о четвертомъ бракѣ послѣдняго съ Зоей Карбонопсиной, отъ которой раньше бездѣтный Левъ въ 905 г. имѣлъ уже сына Константина, единственнаго своего наслѣдника. Когда какой-то пресвитеръ Тома обвинялъ затѣмъ императора съ Зоей ³⁾, патріархъ, чтобы успокоить возмущенную церковь, умолялъ царя прекратить это сожительство и „не все позволять своей власти, а помнить, что есть Сѣдящій превыше его могущества“ ⁴⁾. Но никакія убѣжденія, даже эпитимія не дѣйствовали на упорнаго. Мало того, Левъ рѣшилъ даже созвать соборъ изъ представителей патріаршихъ престоловъ, чтобы добиться признанія своего четвертаго брака, а пока удалилъ самого патріарха со многими архіереями въ ссылку. Добиваясь отъ Николая отреченія отъ кафедры, Левъ готовъ былъ прибѣгнуть даже къ шантажу, въ родѣ того, какой раньше выставлялъ онъ противъ Фотія. Но патріархъ, въ надеждѣ на лучшее будущее, и самъ рѣшилъ уступить дорогу своему преемнику. Получивъ

¹⁾ De-Boor. Vita Euthymii. Berlin, 1888. S. 37.

²⁾ Н. Поповъ. Импер. Левъ VI Мудрый. Стр. 93 и слѣд.

³⁾ Ibid., стр. 96—97 и слѣд.

⁴⁾ Vita Euthymii. S. 49—50.

даже письменное отреченіе Николая отъ кафедръ, Левъ созвалъ епископовъ, среди которыхъ оказались и готовые на компромиссы, и „приказалъ имъ изслѣдовать и отыскать достойнаго на патріаршество“ ¹⁾. Они „какъ бы сговорившись, остановились на великомъ Евѳиміи“ ²⁾. Этотъ Евѳимій, игумень одного столичнаго монастыря, по своему мягкому характеру и преклоннымъ лѣтамъ казался императору наиболѣе податливымъ и уступчивымъ. Подъ угрозами царя онъ согласился принять на себя тяжелое бремя управленія патріархатомъ, если папа и прочіе патріархи предварительно рѣшатъ вопросъ о четвертомъ бракѣ: „когда они устроятъ твое дѣло, говорилъ Евѳимій царю, я не буду противодѣйствовать и препятствовать“ ³⁾. А это только было и нужно Льву, который дипломатическимъ путемъ достигъ того, что въ это время уже плыли въ Константинополь легаты папы и патріаршіе послы, везя съ собой заранѣе составленныя „грамоты съ примирительнымъ распоряженіемъ“ относительно четвертаго брака царя. Хотя прибытіе въ столицу такихъ легатовъ и пословъ создавало и далеко не умиленную картину, однако они съ почетомъ были встрѣчены у Льва ⁴⁾ и съ частью византійскаго духовенства составили въ 907 году соборъ, на которомъ и было постановлено исключительнымъ образомъ принять царя въ церковь, не расторгая его четвертаго брака, а патріаршую кафедру утвердить за Евѳиміемъ ⁵⁾.

Но такое постановленіе не только не успокоило общества, но еще болѣе усилило раздоръ въ немъ. Къ печальному состоянію церкви, обусловленному ея внутреннимъ раздѣленіемъ, при слабомъ патріархѣ присоединилось еще стѣсненіе ея въ правахъ со стороны гражданскихъ властей, желавшихъ „въ мутной водѣ ловить рыбу“. Сановники отнимали у духовенства и ту скудную ругу, которую получало оно еще со временъ Константина Великаго, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ брали священниковъ и діаконовъ на ряду съ мірянами даже

1) Vita Eutymii. S. 40—50.

2) Ibid.

3) Ibid., S. 53.

4) Н. Поповъ. Импер. Левъ VI Мудрый. Стр. 128, 146.

5) Ibid., стр. 150.

въ военную службу ¹⁾. Бороться съ этимъ патриархъ былъ безсиленъ, когда самъ царь склоненъ былъ рѣшать даже чисто догматическіе вопросы по своему единоличному усмотрѣнію ²⁾. Порядокъ и спокойствіе въ церкви, даже по сознанію самого Льва, могъ возстановить лишь томившійся въ изгнаніи патриархъ Николай, который, по низложеніи Еввемія, въ 912 году снова и вступилъ въ управленіе церковію ³⁾. Однако лишь въ концѣ X вѣка патриарху Сисинію удалось окончательно умиротворить ее послѣ смятенія, вызваннаго произволомъ Льва въ отношеніи къ уставамъ церкви.

Къ прискорбію, деспотизмъ императоровъ въ церковной жизни и неспособность патриарховъ къ огражденію церкви отъ свѣтской узурпаціи имѣли мѣсто и впослѣдствіи. Такъ, одинъ изъ ближайшихъ преемниковъ Льва VI Мудраго, императоръ Романъ I Лекапъ хитростью смѣстивъ съ престола почтеннаго патриарха Трифона, котораго не въ чемъ было даже обвинить, возвелъ на его мѣсто своего младшаго сына 16-лѣтняго Теофилакта. Довольно продолжительное патриаршество этого принца (933—956 г.) представляетъ собой эпопею „самаго скандальнаго свойства“ ⁴⁾. Безчинства его доходили до того, что онъ допускалъ въ церкви танцы и неприличныя пѣснопѣнія. Но главной его страстью были лошади, которыхъ онъ кормилъ фруктами, поилъ винами и вспрыскивалъ духами, прерывая иногда богослуженіе для посѣщенія конюшни. И смерть постигла этого патриарха вслѣдствіи его паденія съ лошади, которую онъ проѣзжалъ. „Вотъ какихъ патриарховъ доставлялъ константинопольской церкви безконтрольный выборъ императорскій“, восклицаетъ современный нашъ ученый, повѣствуя о Теофилактѣ ⁵⁾. Не трудно догадаться, какое значеніе имѣлъ такой патриархъ въ церковномъ управленіи, если церковныя должности продавались у него „чуть не съ молотка“ ⁶⁾, въ то время какъ

1) Ibid., стр. 168.

2) Ibid., стр. 260—261.

3) Ibid., стр. 167.

4) А. И. Лебедевъ. Очерки внутр. исторіи виз. восточ. церкви IX—XI вв. Стр. 73.

5) Ibidem, стр. 75.

6) Ibid., стр. 277.

императорскіе указы ограничивали права духовныхъ лицъ на пріобрѣтеніе земельныхъ владѣній ¹⁾. Преемникъ Теофилакта, Поліевктъ (956—970 г.г.), котораго византійскіе историки называли „вторымъ Златоустомъ“ ²⁾, если и совершенно не похожъ былъ на своего предшественника, всеже далекъ былъ отъ идеала ревностнаго пастыря. Когда бывшій аристократъ и аеонскій подвижникъ Никифоръ Фока, волею событій вступившій на престолъ (въ 963 г.), женился на преступной и развратной вдовствующей императрицѣ Теофанѣ, Поліевктъ не допустилъ его переступить порогъ алтаря и подвергъ эпитиміи ³⁾. Впослѣдствіи, когда императоръ, бывшій и хорошимъ полководцемъ, задумалъ причислить къ лику св. мучениковъ своихъ сподвижниковъ, на брани убитыхъ, патріархъ (по 13 прав. св. Василия Великаго) опять рѣшительно выступилъ противъ этой канонизаціи ⁴⁾. Но онъ не возражалъ противъ закона Никифора Фоки, которымъ запрещалось строить новые монастыри и надѣлять ихъ недвижимою собственностью; голоса патріарха не было слышно даже тогда, когда нѣкоторые неуступчивые епископы были обречены въ ссылку ⁵⁾. Примирился Поліевктъ и съ распоряженіемъ Никифора, чтобы кандидаты на епископскія каѳедры назначались не соборомъ епископовъ и не патріархомъ, а лишь по волѣ императора, который и обязывалъ своихъ ставленниковъ вносить въ казну значительную сумму изъ ихъ доходовъ ⁶⁾. До чего простиралось самовластіе Никифора, видно еще и изъ того, что отъ него исходило указаніе, на какомъ языкѣ должно совершаться богослуженіе въ южной Италіи ⁷⁾. Названный же патріархъ помазалъ на царство и убійцу Никифора, Іоанна Цимисхіа. Стараясь примирить съ нимъ народъ, патріархъ говорилъ, что „какъ помазаніе при св. крещеніи очищаетъ всѣ грѣхи, такъ и помазаніе на царство уничтожило всѣ грѣхи, совер-

1) Ibid., стр. 274.

2) Ibid., стр. 258.

3) Ibid., стр. 259—260.

4) Ibid., стр. 279.

5) Ibid., стр. 276.

6) Ibid., стр. 277.

7) Ibid., стр. 268.

шенные Цимисхиємъ до коронаванія, и въ особенности— смертоубійство“ 1).

Какъ бы въ благодарность предъ патриаршимъ престоломъ за такую оригинальную теорію Цимисхій, когда по смерти Поліевкта возникъ вопросъ о преемникѣ его, высказался было въ духѣ Эпанагоги: „здѣсь на землѣ я признаю двѣ власти—священническую и царскую; одной Зиждитель вселенной поручилъ попеченіе о душахъ, другой—управленіе тѣлами людей, чтобы не повредился ни одинъ членъ (государственнаго организма), но всякій сохранился въ цѣлости“ 2). Однако въ дѣйствительности Цимисхій далекъ былъ отъ мысли о самостоятельности патриаршей власти. Избравъ на патриаршую кафедру подвижника Олимпійской горы Василия—и безъ всякаго участія въ этомъ наличныхъ представителей церкви,—императоръ, представляя его архіереямъ и сенату, говорилъ: „опредѣлить достойнаго къ отправленію священныхъ дѣлъ, конечно,—зависитъ отъ всевидящаго Ока... Но я возвожу на престолъ церкви человѣка, давно мною испытаннаго. Онъ часто по вдохновенію свыше предсказывалъ мнѣ будущее (т. е. корону), которое и сбылось въ свое время“ 3). Впрочемъ, увѣренность Цимисхія въ преданности Василія скоро поколебалась, когда выяснилось, что онъ предвѣщалъ корону и кому-то другому; тогда безъ соборнаго обсужденія дѣла царь заточилъ Василія въ монастырь, а на его мѣсто самовластно возвелъ (въ 974 г.) студійскаго монаха Антонія III (974—980 г.) 4).

Подобнымъ образомъ поступалъ и преемникъ Цимисхія, Василій II Болгаробойца, который среди военныхъ подвиговъ находилъ время помимо патриаршей власти назначать и утверждать аеонскихъ протовъ, вручая имъ жезлъ и мантию. Такимъ образомъ, по замѣчанію преосвящ. Порфирія (Успенскаго), „попечителемъ Аеона сталъ царь, а не патриархъ“ 5); и это оказалось возможнымъ въ то время, когда патриаршую кафедру занимали Николай II Хрисовергъ и Сисиній II, объявлявшіе по поводу четвертаго брака Льва Му-

1) Ibid., стр. 55.

2) Грибовскій, *op. c.*, стр. 373.

3) Ibid., стр. 374. А. П. Лебедевъ, *op. c.*, стр. 75.

4) Ibidem.

5) А. П. Лебедевъ, *op. c.*, стр. 78.

драго анаѣму тѣмъ, которые дерзнуть нарушать святыхъ и божественныхъ правила преподобныхъ отцовъ“ 1).

Не нашель себѣ осуществленія идеалъ Эпанагоги и въ новомъ тысячелѣтіи. Патріархи по прежнему оказывались слугами трона. Поэтому, главный организаторъ студійскаго богослужебнаго устава 2), патріархъ Алексій (1025—1043 г.) за три дня до смерти императора Константина VIII не нашель неопреодолимыхъ препятствій повѣнчать одну изъ его дочерей и наслѣдницъ престола,—50-лѣтнюю Зою съ ея двоюроднымъ братомъ, 60-лѣтнимъ Романомъ III Аргиромъ, который былъ потомъ провозглашенъ императоромъ и коронованъ (въ 1028 г.) 3). А когда онъ въ великій четвертокъ 1034 г.—не безъ участія Зои и монаха Іоанна Орфанотрофа—скончался, патріарху Алексію пришлось снова содѣйствовать семейному счастью императрицы. Въ ночь подъ великій пятокъ, послѣ того какъ уже пропѣты были страсти Господни, патріархъ былъ вызванъ во дворецъ, чтобы повѣнчать Зою съ давнимъ избранникомъ ея сердца красивымъ Михаиломъ Пафлагономъ. Патріархъ сначала недоумѣвалъ. Однако предложенные Орфанотрофомъ 50 литръ золота ему и 50 литръ клиру рѣшили колебаніе и убѣдили патріарха въ ту же ночь совершить вѣнчаніе, а слѣдующимъ утромъ похоронить задушеннаго Романа 4). Вовлеченный въ придворныя интриги, патріархъ Алексій вынужденъ былъ допустить и новый бракъ 64-лѣтней Зои (въ 1042 г.) и короновать ея третьяго супруга, Константина IX Мономаха, о которомъ она и прежде хранила въ душѣ сладостныя воспоминанія 5).

Понятно, лишь при такой покорности предъ волей императоровъ, не смотря на частую ихъ смѣну, и могъ Алексій до самой смерти своей удержать патріаршую кафедру.

Примѣръ рѣдкаго благополучія смиреннаго патріарха, по видимому, долженъ былъ назидательно повліять и на его преемника, Михаила I Керуларія (1043—10588 г.). Принявъ участіе въ заговорѣ противъ императора Михаила VI Стра-

1) Н. Поповъ, *op. c.*, стр. 191—192.

2) А. П. Лебедевъ, *op. c.*, стр. 127.

3) Скабалановичъ, *op. c.*, стр. 14.

4) *Ibid.*, стр. 24—28, 369. А. П. Лебедевъ, *op. c.*, стр. 56.

5) Скабалановичъ, стр. 52—44.

тіотика, вынужденнаго принять постриженіе, патріархъ подготовилъ вступленіе на престоль полководца Исаака Комнина (1057—1059 г.) и первоначально, дѣйствительно, пользовался его расположеніемъ. Но когда Комнинъ для выполненія государственной казны предпринялъ секуляризацию церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, патріархъ, стойкій борецъ за чистоту католической вѣры, не могъ безучастно отнестись къ этому предпріятію императора. Въ лицѣ Керуларія и Комнина сошлись двѣ одинаково упругія натуры: одинъ отстаивалъ престижъ патріарха, другой—съ прямолинейностью солдата—не признавалъ власти выше императорской. Сторона, оказавшаяся физически слабѣйшей, должна была уступить и этотъ печальный жребій выпалъ Керуларію. По приказу Комнина онъ былъ заключенъ въ отдаленный монастырь и въ ожиданіи соборнаго суда изнуренный физически, потрясенный крушеніемъ своихъ идеаловъ, вскорѣ скончался на пути въ столицу, до послѣдней минуты молясь за любимый имъ и преданный ему народъ ¹⁾.

Энергія византійскихъ императоровъ при защитѣ своего абсолютизма въ значительной степени достигла, наконецъ, желанной цѣли. Позднѣйшіе патріархи, за рѣдкими исключеніями, всегда почти были смиренными исполнителями императорской воли.

Преемникъ Керуларія, образованный, добрый и милостивый Константинъ Лихудъ (1059—1063 г.) и самое патріаршество получилъ отъ Исаака Комнина подъ условіемъ возвращенія въ казну своего земельного владѣнія. Благодаря осторожности, гибкости и мягкости своего характера, этотъ патріархъ, однако скоро умершій, и съ малоспособнымъ ²⁾ императоромъ, Константиномъ Дукой, умѣлъ поддерживать добрыя отношенія ³⁾. Просвѣщенный и аскетически настроенный патріархъ Іоаннъ Ксифилинъ (1064—1075 г.) при этомъ императорѣ и его ближайшихъ преемникахъ, занятыхъ борьбою съ внѣшними врагами имперіи, ⁴⁾ продолжалъ по-

¹⁾ Ibid., стр. 78—85, 384—390. А. П. Лебедевъ, ор. с. стр. 56.

²⁾ Герцбергъ. Исторія Византіи. М. 1897 г. Стр. 236—238.

³⁾ Скабалановичъ, ор. с., стр. 394—395. А. П. Лебедевъ, ор. с., стр. 57.

⁴⁾ Герцбергъ, ор. с., стр. 238—244.

литуку Лихуда, оберегая главнымъ образомъ свое право печалованія ¹⁾. Но и онъ подъ вліяніемъ придворныхъ партій по смерти Константина Дуки вынужденъ былъ то отклонять его супругу Евдокію отъ второго брака, то совѣтывать ей это, съ чѣмъ она, на свое горе, наконецъ, и согласилась ²⁾.

Избранный ея сыномъ Михаиломъ VII Парापинакомъ патріархъ Косма I (1075—1081 г.), человекъ не отъ міра сего, былъ лишь орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Правительство грабило монастыри и церкви, но благочестивый патріархъ молчалъ. Безмолствовалъ онъ и тогда, когда постригали Парापинака, а потомъ и женившася на его женѣ Никифора III Вотаниата.. Патріарха какъ будто и не существовало. Сознавъ, наконецъ, неспособность свою къ управленію, Косма вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Алексія Комнина добровольно оставилъ каеэдру и удалился въ монастырь ³⁾. Слѣдующіе патріархи, занимавшіе каеэдру при Комниныхъ, Евстратій Гариды, Николай Грамматикъ, Іоаннъ Агапиль, Левъ Стипіотъ и др. почти не отличались личными или пастырскими доблестями ⁴⁾. Среди нихъ встрѣчались даже лица, которыя всенародно заявляли, что они занимаютъ совершенно неподходящее имъ мѣсто. Таковъ былъ Михаилъ Оксійскій (1143—1146 г.), добровольно подвергшій себя наказанію за то, что „сидѣлъ на патріаршемъ престолѣ, гдѣ сидѣть ему совѣмъ не подобало“ ⁵⁾. Патріархъ Косма II (1146—1147 г.) тотчасъ по вступленіи на каеэдру оказался къ соблазну церкви подъ весьма неблаговиднымъ вліяніемъ монаха—разстриги, вслѣдствіе чего, по соборному рѣшенію, и былъ низверженъ ⁶⁾. Конечно, благодаря безличію или нравственному несовершенству представителей патріаршей каеэдры, императорамъ открывался широкой просторъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла церкви. Алексій Комнинъ подчинилъ, напр., волѣ императора установленіе порядка назначенія на церковныя должности, надзора за ма-

¹⁾ Скабалановичъ, *op. c.*, стр. 398—401.

²⁾ *Ibid.*, стр. 98.

³⁾ *Ibid.*, стр. 401—403. 119—121, 132.

⁴⁾ А. П. Лебедевъ. *Очерки исторіи виз. вост. церкви XI—XV в.в.* М. 1902 г. Стр. 171.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. 174.

⁶⁾ *Ibid.*, стр. 176—177.

теріальнымъ положеніемъ духовенства и исполненіемъ имъ своихъ обязанностей ¹⁾. Такимъ образомъ дѣйствій Алексій достигъ того, что и въ сознаніи общества оказался владыкой не только свѣтскимъ, но и духовнымъ: недовольные патріархомъ Космой требовали для него суда Божія и *государева* ²⁾. По поводу образа дѣйствій Мануила Комнина (1143—1180 г.) относительно церкви одинъ византійскій историкъ (Никита Хоніать) говорилъ, что цари, „не желая занимать второе мѣсто, сами бывають въ одно и то же время и провозвѣстниками догматовъ и судьями, а часто и карателями тѣхъ, кто съ ними не соглашается“ ³⁾. Даже такому почтенному пастырю, какимъ былъ Лука Хрисовергъ (1153—1169 г.), приходилось иногда не только угождать затѣямъ Мануила, получавшимъ и соборное одобреніе, но и льстить ему торжественно ⁴⁾. Безцеремонное обращеніе этого императора съ патріархомъ и другими епископами особенно рѣзко сказалося при рѣшеніи нѣкоторыхъ догматическихъ вопросовъ, въ которыхъ онъ хотѣлъ быть компетентнымъ судьей ⁴⁾. Такъ, когда авторитетный въ обществѣ патріархъ Θεодосій (1178—1188 г.) и многіе епископы не согласились съ указомъ Мануила объ исключеніи изъ требника „анаемы Богу Магометову“, царь осыпалъ ихъ неприличной бранью, назвалъ „чистыми дураками“ и всетаки заставилъ уничтожить соблазнительную для него формулу ⁵⁾. Такимъ образомъ, даже лучшіе патріархи при этомъ царѣ, который при томъ возстановилъ ограничительный законъ Фоки о монастырскихъ владѣніяхъ ⁶⁾, могли лишь мечтать объ идеалахъ Эпанагоги.

При послѣднемъ изъ Комниныхъ, Андроникъ I (1183—1185 г.) патріархъ Θεодосій, отказавшій ему въ разрѣшеніи незаконнаго брака его дочери, вслѣдствіе этого вынужденъ былъ удалиться въ монастырь ⁷⁾.

Патріархи за время династіи Ангеловъ занимали кафедру

1) Ibid., стр. 382—383.

2) Ibid., стр. 382—383.

3) А. П. Лебедевъ, *op. c.*, стр. 186—187.

4) Ibid., стр. 123 и слѣд.

5) Ibid., стр. 137—141. 190.

6) Ibid., стр. 145.

7) Ibid., стр. 149—191.

слишкомъ кратковременно или же были людьми недостойными. Изъ нихъ, напр. Василій Каматиръ „обладалъ даромъ все обращать къ своей выгодѣ“, Досиеей былъ большимъ пронырой, а Георгій Ксифилинъ былъ до того угодливъ предъ свѣтскимъ правительствомъ, что, по желанію императора, дозволилъ соединять въ одномъ лицѣ служеніе храму и дворцу ¹⁾. Лишь послѣдній патріархъ этой эпохи, Іоаннъ Каматиръ (1198—1206 г.), когда пари заняты были борьбою съ крестоносцами, имѣлъ возможность быть истиннымъ архипастыремъ ²⁾.

Изъ девяти патріарховъ, правившихъ церковью за 60-лѣтній періодъ Никейской имперіи, только одному Герману II (1222—1240 г.) удалось заявить себя истинно-архипастырской дѣятельностью ³⁾. И понятно. По поводу избранія одного изъ дальнѣйшихъ патріарховъ хронистъ Георгій Акрополитъ замѣчаетъ: „императоръ Іоаннъ (Ватаци, 1222—1254 г.), неспѣшащій въ подобныхъ дѣлахъ, не могъ легко найти въ скорости человѣка, достойнаго этого мѣста, или лучше—такого, который бы ему могъ понравиться, потому что обладающіе верховною властью, обыкновенно, въ подобныхъ обстоятельствахъ соображаются со своимъ расположеніемъ къ лицамъ, чтобы не имѣть въ этихъ людяхъ противниковъ своимъ желаніямъ“ ⁴⁾. А когда при императорѣ Теодорѣ Ласкарисѣ избранъ былъ на патріаршую кафедру малоученый монахъ Арсеній (1255—1266 г.), тотъ же хронистъ объясняетъ это такъ: „цари вообще хотятъ, чтобы патріархами были люди смиренныя, недалекіе по уму, которые бы легко уступали ихъ желаніямъ, какъ признаннымъ постановленіямъ; а это всего чаще случается съ людьми необразованными: будучи невѣждами въ словѣ, они не способны на смѣлое слово и преклоняются предъ императорскими распоряженіями“ ⁵⁾. Но Арсеній, „греческій Никонъ“, какъ называютъ его, не оправдалъ такого расчета и вслѣдствіе неудачныхъ столкновеній съ императоромъ Михаиломъ VIII Палеологомъ, осужденный соборомъ, умеръ въ ссылкѣ ⁶⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 151, 194, 333.

²⁾ Ibid., стр. 191—193.

³⁾ Ibid., стр. 197—198, 214—215.

⁴⁾ Лѣтопись Георгія Акрополита. СПБ. 1863. Гл. 42 Стр. 84.

⁵⁾ Ibid., гл. 53, стр. 121.

⁶⁾ А. П. Лебедевъ, ор. с., стр. 203—206, 158—161.

Положеніе константинопольскихъ патріарховъ и ихъ нравственный обликъ въ общемъ не измѣнились къ лучшему и въ послѣдніе два вѣка существованія византійской имперіи.—Такъ, образованный, но слабохарактерный патріархъ Германъ III (1267 г.) въ угоду императору склонился на Лионскую унию ¹⁾, его преемникъ, Іосифъ I (1268—1275 г.г.), „непричастный эллинской мудрости“, происками занявшій кафедру, „умѣлъ подходить къ сильнымъ правителямъ“ ²⁾, Іоаннъ Веккъ (1275—1282 г.) расположеніе Михаила Палеолога приобрѣлъ главнымъ образомъ чрезъ сочувствіе стремленіямъ императора къ униі ³⁾; патріархи же Григорій II (1283—1289 г.), Аванасій I (1289—1311 г.) и Іоаннъ XII (1294—1303 г.), не находя въ своей дѣятельности поддержки у Андроника II (1282—1328 г.), вынуждены были уйдти на покой ⁴⁾.

Если среди дальнѣйшихъ патріарховъ послѣдняго періода византійской имперіи и встрѣчались люди высокой образованности и съ истинно-пастырской ревностью (Іоаннъ Гликисъ, 1316.—1320 г., Филоеѣй, 1354—1376 г., Ниль, 1380—1388 г.) ⁵⁾,—ихъ во всякомъ случаѣ было очень не много ⁶⁾. Большею частію кафедра предоставлялась людямъ, „даже и ногтемъ не касавшимся эллинской мудрости“ ⁷⁾, или же нравственно недостойнымъ. Напр., совершенно безграмотный Нифонтъ I (1311—1315 г.), большой любитель женскаго общества, конскаго спорта и пирушекъ, доходилъ до святотатства, сдирая и обращая въ свою пользу золотые и серебряные оклады съ церковныхъ иконъ ⁸⁾. Патріархъ Исаія (1323—1334 г.) не находилъ не совмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ вѣхатъ въ столицу въ обществѣ танцовщицъ и гетѣръ, потѣшавшихъ всѣхъ своими плоскими шутками ⁹⁾. Патріарха Исидора (1347—1349 г.), ставленника и вѣрнаго

1) Ibid., стр. 218.

2) Ibid., стр. 218—22.

3) Ibid., стр. 222—288.

4) Ibid., стр. 229—257.

5) Ibid., стр. 259, 277, 285.

6) Ibid., стр. 296.

7) Ibid., стр. 262.

8) Ibid., стр. 258.

9) Ibid., стр. 264, 78.

служу императора Іоанна Кантакузина, одинъ изъ хронистовъ XIV вѣка — Никифоръ Григора — сравниваетъ „со свиньей, привыкшей барахтаться въ грязи“ ¹⁾; въ общемъ такой отзывъ о патріархѣ подтверждается и его дѣятельностью. Подобныя печальныя явленія, кажется, вполне удовлетворительно объясняются замѣчаніемъ того же хрониста: „цари на такое высокое мѣсто (какъ патріашее) и выбираютъ такихъ людей, чтобы эти безприкословно подчинялись ихъ приказаніямъ, какъ рабы, и чтобы не оказывали имъ никакого противодѣйствія“ ²⁾.

Поэтому-то почти всѣ архипастыри византійской имперіи и за XIV в.—Евѣимій II (1410—1415 г.), Іосифъ II (1416—1439 г.), Митрофанъ II (1440—1443 г.) и др.—были приверженцами папизма ³⁾. Одинъ изъ нихъ, Іосифъ II, даже говорившій царю Іоанну Палеологу, что „церковь должна идти впереди императорской власти или подлѣ нея, но никакъ не сзади ея“ ⁴⁾, не задумался въ угоду императору подписаться подъ опредѣленіемъ Флорентійскаго собора ⁵⁾.

Факты, рисующіе положеніе византійскихъ патріарховъ и ихъ нравственный обликъ, приводятъ насъ къ прискорбнымъ заключеніямъ.

Оказывается, что патріархи не только утверждались василевсомъ, но имъ же, большею частью, и избирались и въ своей дѣятельности стояли въ зависимости отъ воли и взглядовъ главы государства. Расходясь съ царемъ, патріархи не только теряли почву подъ собой, но часто должны были покидать и кафедру. Нѣкоторой опорой для нихъ могли бы быть соборы или патріаршій синодъ. Но ихъ постановленія безъ согласія царя не имѣли силы ⁶⁾, помимо уже того, что сами епископы назначались имъ же ⁷⁾. Вліяніе царя на патріарха и архіереевъ было особенно могучимъ еще и по-

¹⁾ Ibid., стр. 171—273.

²⁾ Ibid., стр. 262, 276.

³⁾ Ibid., стр. 291—296.

⁴⁾ Ibid., стр. 115.

⁵⁾ Ibid., стр. 291 и слѣд.

⁶⁾ Грибовскій, *op. c.*, стр. 361. Скабалановичъ, *op. c.*, стр. 363. А. П. Лебедевъ, *op. c.*, стр. 141, 160.

⁷⁾ Грибовскій, *op. c.*, стр. 380. А. П. Лебедевъ, *Очерки виз. вост. церкви XI, XV в.в.*, стр. 120.

тому, что отъ него зависѣло ихъ матеріальное содержаніе и контроль надъ церковной казной ¹⁾).

Зависимость отъ царя патріарха и архіереевъ неизбежно влекла за собой подчиненіе ему же и всего духовенства. Въ своей жизни и дѣятельности оно постоянно встрѣчало стѣсненія или вслѣдствіе ограничительныхъ мѣропріятій государственной власти ²⁾, или вслѣдствіе злоупотребленій сановниковъ и чиновниковъ ³⁾. Да и сами патріархи и чины патріаршаго управленія—первые—своимъ произволомъ, а вторые взяточничествомъ—причиняли не мало огорченій духовенству ⁴⁾. Въ то время какъ патріархи иногда въ единеніи съ папствомъ ⁵⁾ видѣли для себя спасеніе отъ императорскаго абсолютизма, низшее духовенство не имѣло никакой надежды на лучшее будущее и страдало отъ двухъ огней—императорскаго и патріаршаго. Разумѣется, это не могло не отражаться печально и на нравственномъ состояніи духовенства и на его отношеніи къ своему призванію ⁶⁾.

Конечно, изъ числа свыше 80 патріарховъ со времени Фотія были и лица, стоявшія на высотѣ своего призванія, но они, къ сожалѣнію, считаются лишь единицами.

Такимъ образомъ, вѣра нѣкоторыхъ нашихъ соотечественниковъ въ высокое практическое значеніе единоличной церковной власти въ лицѣ патріарха совершенно не подтверждается фактами византійской дѣйствительности, которые во избѣжаніе обвиненій въ искаженіи ихъ мы и вынуждены были приводить не по первоисточникамъ, а по современнымъ, историческимъ трудамъ, признаннымъ наукой. Гдѣ ручательство того, что подобные же глубоко плачевные факты

¹⁾ А. П. Лебедевъ, *op. c.*, стр. 283, 345, 348—349. Его же. *Очерки виз. вос. церкви IX—XI в.в.*, стр. 64. Скабалановичъ, *op. c.*, стр. 364, 384.

²⁾ А. П. Лебедевъ. *Очерка вн. исторіи виз. вост. церкви IX—XI в.в.* стр. 64—68. Н. Поповъ, *op. c.*, стр. 154.

³⁾ Н. Поповъ, *op. c.*, стр. 259. А. П. Лебедевъ. *Очерки внутр. исторіи виз. вост. церкви IX—XI в.в.*, стр. 63—64. *Очерки внутр. исторіи виз. вост. церкви XI—XV в.в.*, стр. 344.

⁴⁾ Н. Поповъ, *op. c.*, стр. 257—258. А. П. Лебедевъ. *Очерки вн. исторіи виз. вост. церкви XI—XV в.в.*, стр. 249—250, 273.

⁵⁾ А. П. Лебедевъ. *Очерки внутр. исторіи виз. вост. церкви XI—XV в.в.*, стр. 353—354.

⁶⁾ Н. Поповъ, *op. c.*, стр. 260. А. П. Лебедевъ. *Очерки внутр. исторіи виз. вост. церкви IX—XI в.в.*, стр. 135—137.

не будуть имѣть мѣста и въ русской церковной жизни, которую предполагается опять „возглавить“ патріархомъ? Исторія константинопольскаго патріархата, думается, ясно показываетъ, что въ русской церкви не слѣдуетъ воссоздавать этого института, въ которомъ нѣкогда и сама она послѣ 100—лѣтняго опыта разочаровалась.

Свящ. Н. Поповъ.
